

янки (например, мистер Томсон, по прозвищу Чарли Красный Нос, приспособившийся к чукотскому стойбищу Лорен, «как лишайник к камням»). Заглавный герой романа Алитет, чукотский кулак, человек волевой и инициативный, но жестокий и беспринципный, перенимает у «американов» принципы наживы, не брезгуя никакими средствами ради нее, включая ложь, насилие, обман, хищническое истребление природных богатств, попрание народных обычаев и традиций. Писатель обыгрывает чукотское самоназвание «луораветлян» («настоящий человек»): такие люди, как Томсон или Алитет, не являются «настоящими людьми», но оказываются вырожденками, нелюдями.

Проамерикански настроенным чукотским капиталистам в романе противостоят приезжие русские — молодой ленинградский ученый Жук и член Камчатского ревкома Лось. Это посланцы революции и будущего социализма в край вековой отсталости и темноты. Идеологическая схема романа предполагает, что большинство чукотского народа идет за Жуковым и Лосем и отвергает капиталистический путь развития соседней Америки; в решающий момент народы Севера совершают свой социальный выбор в пользу советской власти, социализма, сталинской конституции и СССР, осуществляя «скачок» из одной исторической эпохи в другую. В этом, по мысли автора, проявляется жизнелюбие и оптимизм чукотского народа. Однако правдивый наблюдатель этнокультурной жизни и опытный бытописатель, С. не выпрямляет пути, который предстоит пройти чукотскому народу: освобождение чукчей от старых обычаев и предрассудков, родовой морали, вековых мифологических и религ. представлений, преодоление тотемического страха перед всевозможными запретами и карами за их нарушение — это процесс длительный, драматический, трудный для каждого человека, требующий глубоких социокультурных изменений, ломки характеров, традиций и психологии целого этноса. Мн. критики сравнивали роман по масштабу охватываемых явлений, достоверности и аналитизму с научным исследованием. В 1949 роман С. закономерно был удостоен Сталинской (Гос.) премии. В 1952 писатель был принят в ряды КПСС. Его произведения, особенно роман, были переведены на мн. яз. и неоднократно переиздавались.

В 1955 С. принял участие в экспедиции за Полярный круг, отразив свои впечатления в брошюре «**Полет в Арктику**» (1956). В это же время он создал новую ред. повести

для детей «**Спасение Талеко**» (1946) под названием «**Приключения Айвама**» (1955). В 1968 писатель издает книгу «**Угрюм-Север. Встречи, впечатления, рассказы**», в которой произведения разнообразных жанров сливаются в одно органичное целое. Если в наши дни не всех удовлетворяет худож. качество «традиционной» прозы С. (тяготеющей к описательности, но при этом, однако, умело стилизующей характер мировосприятия и образ мышления чукчей), то безусловной остается ее этнографическая и историко-познавательная ценность.

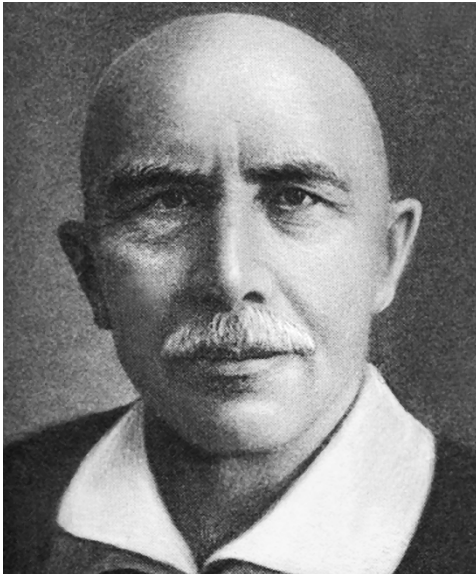
Соч.: На Чукотке: Очерки. Хабаровск, 1938; Жизнь во льдах. М., 1957; Избранные произведения: в 2 т. / вступ. статья В. Борисовой «Романтика без экзотики (О творчестве Тихона Семушкина)». М., 1970; Алитет уходит в горы: роман: в 2 кн. М., 1988.

Лит.: Хмельницкая Т. Свежесть мира // Звезда. 1939. № 7–8; Рясенков Б. Большевики приходят в тундру // Сибирские огни. 1949. № 3; Никитин М. Два закона // Дружба народов. 1949. № 4; Тарасенков А. Возрожденный народ // Идеи и образы советской литературы. М., 1949; Зелинский К. [Послесл.] // Семушкин Т. Алитет уходит в горы. М., 1965; Солоухин В. О Тихоне Семушкине и его книгах // Семушкин Т. Алитет уходит в горы. М., 1966; Макаров А. [Предисл.] // Чукотка: повесть. М., 1967; Борисова В. Певец Севера: [Некролог] // Дальний Восток. 1970. № 6; Очерки русской литературы Сибири: в 2 т. / под ред. академика А. П. Окладникова. Т. 2. Новосибирск, 1982.

И. В. Кондаков

СЕРАФИМОВИЧ Александр (настоящее имя Александр Серафимович Попов) [7(19).1. 1863, ст. Нижне-Курмоярская Обл. Войска Донского — 19.01.1949, Москва] — прозаик.

Вырос в донской ст. Усть-Медведицкая (с 1933 город Серафимович), в семье казачьего офицера, и до 1883, до окончания гимназии, поступления в Петербургский ун-т, воспитывался на Дону, в казачьей среде, в духе особой сословно-патриархальной гордости прошлым Войска Донского, среди роскошной природы северного Дона. Усть-Медведицкая — древний «казацкий стан» на реке Медведице — была богатейшей станицей с несколькими церквями, красивейшим Преображенским монастырем, училищами и гимназией. Послужной список отца, с шестнадцати лет ушедшего в полк, воевавшего в Малой Чечне, имевшего много наград, пленившего неких горских князьков, его характер придавали семье Поповых и Дубовских (по линии матери будущего писателя) высокий статус. Из рода Дубовских вышел и знаменитый пейзажист, ученик

А. Серафимович

Куинджи, Н. Н. Дубовский, певец донских степей и небесных просторов; земляком С. был будущий легендарный командарм 2-й Конной армии Филипп Миронов. Поэтические впечатления детских и юношеских лет, песни и предания казачества оживут много лет спустя в лучших рассказах писателя **«Поход»**, **«Чи-бис»**, **«Странная ночь»**, **«У обрыва»**, **«Пески»**, романе **«Город в степи»** (1912). Весьма характерно, что и сын писателя Анатолий Попов, в годы Гражданской войны комиссар на Дону, решился мужественно выступить против политики расказачивания, мести казачеству как «реакционной опоре трона», проводимой самим Л. Д. Троцким. На упрек Троцкого — «вы не казак, вы — коммунист» — сын С. ответил: «Да, я коммунист, но нельзя вычеркнуть из моей биографии то, что мой отец, дед были казаками».

Впрочем, это ощущение своего кровного родства с землей отцов и дедов пришло к С., будущему создателю классического романа о революции **«Железный поток»**, после мучительных исканий, тревог самопознания. В 1887, уже учась в Петербургском ун-те, он был увлечен, как и мн. студенты, идеей революционного террора, мгновенного претворения в жизнь идей народовольцев, узников Петропавловской крепости, «пробуждения» России. Как участник готовившегося покушения на царя Александра III (в заговоре участвовал и был казнен А. И. Ульянов, брат Ленина), С. был в 1887 отчислен из ун-та и после суда сослан в ссылку в город Мезень (Архан-

гельская губ.), а затем на родину — в Усть-Медведицкую. В ссылке им был написан первый рассказ **«На льдине»** (1889), замеченный В. Г. Короленко и Г. И. Успенским. С их помощью С. издал первую книгу (**«Очерки и рассказы»**, 1901), а затем — уже с помощью М. Горького и Л. Н. Андреева — получил работу в московской газ. «Курьер» и издал в горьковском «Знании» следующие книги: **«Рассказы»** (1903) и **«Рассказы»** (1907). В 1912 в ж. «Современный мир» появился роман «Город в степи».

С. в годы подготовки первой русской революции, в период с 1905 по 1917 — типичный исследователь и бытописатель низовой России, чаще всего Азовско-Черноморского края, донских станиц, портовых городов юга. Нередко он публиковал свои рассказы, очерки, складывавшиеся в циклы, подобные горьковскому циклу новелл «По Руси», в провинциальных газетах, журналах, альманахах. Герои его рассказов — гонимые безземельем крестьянские семьи (**«Чибис»**), охотники (**«На льдине»**), рыбаки с берегов Азова (**«Ледяной вор»**), шахтеры Донбасса (**«Маленький шахтер»**), одиночки-бунтари из провинциальной интеллигенции (**«Сопка с крестами»**), рабочие (**«Сцепщик»**, **«Епишка»** и др.).

Вершиной всей этой серии обличительных, часто ориентированных на схематическое разделение персонажей по классовой психологии произведений стал социологический роман «Город в степи» с центральным персонажем кабатчиком Захаркой Короедовым, рыцарем первоначального накопления, попирающим ради наживы все нормы нравственности (у него даже рождается сын-урод... от собственной дочери!). Роман завершается сценой слепого бунта, разрушительного «пробуждения» рабочих масс.

Интонации печали, вечной бесприютности, страха и чувство смирения в этой достаточно яркой, выстраданной серии картин с натуры, житейских случаев, неудач, горестей были столь сильны, что даже М. Горький однажды сделал С. (в связи с рассказом «Маленький шахтер») суровое замечание по поводу чересчур жалостливого, дежурно-печального изображения народа-страдальца: «У вас же они (шахтеры.— В. Ч.) только беденькие, забитые — жалко их... А ведь это не вся правда. Шахты-то кто прорыл? Кто взрывал каменные неприступные пласты? От воды-то захлебываются — кто откачивал? Вот у вас этот мальчонок — ну, жалко его, конечно. Но вырастет, он-де настоящий потомственный шахтер будет!»

Безусловно, в творчестве С., как и в таких произведениях межреволюционного периода, как «Человек из ресторана» И. Шмелева, «Деревня» И. Бунина, «Яма» А. Куприна и др., отразились настроения пессимизма, разочарования в народе, дух известной маргинализации деревни, провинциальных «городков Окуровых», когда устойчивые социальные группы, целые прослойки населения бывали выброшены из привычной колеи, ощутили муки бездорожья в жестоком мире. Наиболее полно это трагическое состояние души, ситуация кризиса былых ценностей патриархального бытия выразились у С. в рассказе «Пески» (1908), высоко оцененном Л. Н. Толстым. В этом рассказе раскрыта трагедия двух запроданных душ: молодой батрачки, пошедшей в жены к владельцу мельницы, старику, прожившей с ним в атмосфере ненависти и вражды целую жизнь, и батрака, который в свою очередь соблазнился «капиталом» — в виде мельничного колеса, жерновов — уже постаревшей хозяйки. В орбиту нового идола — капитала, в тесный круг жерновов, перетирающих зерно и жизни, в процесс отчуждения оказались втянуты и герои др. произведений С.

Октябрьскую революцию 1917 старейший писатель — он к этому времени был уже сотрудником большевистских «Известий» — встретил как величайшее, поворотное событие в судьбе России. В отличие от И. А. Бунина, И. С. Шмелева, Л. Н. Андреева и др. собратьев по горьковскому лит. кружку «Среды», по изд-ву «Знание», С. настойчиво искал в событиях не апокалипсические видения конца культуры, «окаянные дни» погромов, грабежей, варварства люмпенов с наганами и анархическими лозунгами, а осознанное историческое творчество масс, истинные самородки героического становления нового человека, нового народа. Он избегал как односторонней идеализации революции, представления ее как безграничного «праздника трудящихся», так и огрубления, дегероизации ее, якобы не спрямляющей пути истории, а только громоздящей горы ненависти и жертв. Оба подхода имели место, опирались на тот или иной состав фактов, но в итоге были далеки от эпической полноты события.

В годы Гражданской войны С., корреспондент «Правды», глава лит. отдела Наркомпроса, много ездит по фронтам революции, встречается с рядовыми бойцами и командирами молодой Красной Армии, изучает трагические коллизии сражений.

Первое упоминание о главной героине эпической фрески Гражданской войны «Же-

лезного потока» (1924) — Таманской армии — промелькнуло в записной книжке писателя 1920.

«Дивизия. Отчаянные рубаки. С Таманского полуострова отступали. Устали за три года. У каждого четыре-пять котелков (т. е. срубил 4–5 голов). Плохо одеты. Иногда одни штаны да рваные башмаки, а торс голый. Он подпоясывается, через голое тело надевает патронташ, засовывает револьвер. Война — уже ремесло».

Это зерно замысла обнаружило огромную силу всхожести. События на Кубани весной 1918 несли в себе отголоски всеобщих событий, борьбы народа за землю, за волю часто в прямом, а не в лозунгово-метафорическом виде. Как делить землю на Кубани, если владеть землей уполномочены были — да еще со времен Екатерины II, после переселения на Тамань запорожцев, — только казацкие военные общины? А тысячи иногородних, батраков, сдельных работников, тоже вернувшихся с фронтов, из революционных городов? Они оказались в какой-то миг в кольце ненависти казачьих станиц, вынуждены были уходить, с боями, с остановками — ведь казаки резали семьи, роды иногородних — на соединение с главными силами Красной Армии...

Коренная масса таманцев во главе с вчерашним пастухом Кожухом, говорящая на своеобразной кубанско-украинской «мове», — это еще очень сырой, «незрелый» ресурс революции. Это еще не армия, а толпа, готовая растерзать даже своих вождей: Кожух на одном из митингов, когда «судорога пробежала по толпе», раздались крики «Продали!», вынужден был стрелять из пулемета... поверх возбужденной массы.

Поэтика романа — с митингами, шествием оборванной и обозленной массы через степь, с анархическими выходками матросов (с кораблей затопленного в Новороссийске флота), с рубленой плакатной речью Кожуха, ничем не выделяемого из массы, — отразила уровень и мн. грани реалистических исканий прозы 1920-х. В известном смысле «Железный поток» — это поэма коллективных жизнеощущений, величественных решений (такова сцена стихийного шествия безоружных, детей, раненых навстречу казачьей атаке), гармония пылающих красок пейзажной живописи. И все же этот роман не бессюжетное скопление разрозненных сцен, натуралистических подробностей, «нутряного», т. е. чисто интуитивного постижения фактографии событий. Среди хаоса страстей, множества цветочных пятен, кипения людских на-

дежд и печалей в романе постепенно выделяется главная тема, концептуальное ядро: народ, отступая, уходя из родных мест, создает новую систему ценностей, создает себя, превращает отступление... в победу! Одна из героинь многофигурного в целом романа, бабка Горпина, увозившая с собой самовар, часть своего приданого, в конце пути уже не жалеет о его потере («Та цур ему, нехай пропадае! Нехай живе наша власть, наша ридна»), а вся народная масса, выйдя к своим, с сожалением смотрит на тех, кто не обладает еще их нравственным опытом, опытом народосбережения.

С. не идеализировал стихию братоубийства, не искал в событиях романтики насилия, а потому он не стал продолжать «Железный поток» (по первоначальному замыслу он должен был быть частью эпопеи «Борьба»): чрезвычайное, жестокое не могло быть долговременным, тиражируемым...

В 1927 С., как один из руководителей ж. «Октябрь», организаторов лит. процесса, первым прочитал рукопись романа молодого М. А. Шолохова «Тихий Дон» и опубликовал его (1–2 книги) в ж. в 1928. В дальнейшем он — деятельный заступник великого творения, автор серии статей о Шолохове. В годы Великой Отечественной войны С. выезжал на фронт (в освобожденный Орел в 1943) на Дону, создал множество очерков о русском воине. С. похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Соч.: СС: в 11 т. М., 1931–33; СС: в 7 т. М., 1959–60; СС: в 4 т. М., 1987; Очерки и рассказы. М., 1901; На Пресне // Сб. товарищества «Знание». М., 1907; Город в степи // Совр. мир. М., 1912; Железный поток. М., 1924;

Лит.: Волков А. А. А. С. Серафимович. М., 1991; Гладковская Л. А. Творческий путь А. С. Серафимовича. Л., 1956; Поляк Л. А. А. С. Серафимович. Лекции по истории русской советской литературы. Кн. 1. М., 1951; Хигерович Р. И. Путь писателя. М., 1956; Чалмаев В. А. Александр Серафимович. Волгоград, 1986.

В. А. Чалмаев

СЕРГЕ́ЕВ-ЦЕ́НСКИЙ Сергей Николаевич (настоящая фамилия Сергеев) [18(30).9.1875, с. Бабино (Преображенское) Тамбовской губ.— 3.12.1958, г. Алушта] — прозаик, драматург, поэт.

Родился в семье учителя земской школы. В 1880 семья переехала в Тамбов. С 1887 по 1890 С.-Ц. учится в Тамбовском уездном училище, в 1891–92 — в Екатерининском ин-те, откуда был отчислен по семейным обстоя-

тельствам. После смерти родителей начинается самостоятельная жизнь. В 1895 С.-Ц. получает аттестат учителя городского училища в Глуховском учительском ин-те (Воронежская губ.), где он учился за казенный счет. С.-Ц. отбывает воинскую повинность, сдает экзамен на младший офицерский чин прапорщика и увольняется в запас. В течение ряда лет С.-Ц. учительствовал в пяти учебных округах: Киевском, Харьковском, Одесском, Московском, Рижском. В 1904 С.-Ц. призывают в армию, после окончания русско-японской войны он увольняется в запас, в 1905 С.-Ц. уходит в отставку с учительской службы в чине коллежского асессора. В 1906 С.-Ц. покупает участок земли на Орлиной горе в Алуште. С этого времени лит.-ра становится его главным делом. Публиковаться С.-Ц. начал раньше: в 1901 в Павлограде, где он тогда учительствовал, выходит поэтический сб. (тираж 300 экз.) — «**Думы и грезы**». Несущий на себе печать раздражительности, сб. предвещал С.-Ц.— писателя демократического склада. Рассказы, печатавшиеся в 1902 и 1903 в «Русском вестнике» и «Русской мысли», подписаны псевдонимом Сергеев-Ценский (от названия реки Цны в Тамбове). В нач. 1900-х С.-Ц. работал в жанре рассказа и повести. Почитатели его таланта (в их числе М. Горький, И. Е. Репин) отмечали глубину и «густоту» письма С.-Ц., языковое мастерство писателя.

Известность, по словам С.-Ц., ему принес рассказ «**Тундра**». Обращаясь к своему раннему творчеству уже в 1950-е, С.-Ц. отмечал общность проблематики той поры с более поздним творчеством: «...все, что я писал, начиная с самых молодых рассказов „Тундра“, „Маска“, „Верю!“, „Погост“, „Взмах крыльев“, „Бред“, „Молчалиники“ и пр.— все это было на одну тему — „Преображение России“» (**Талант и гений**. С. 245). Лучшие произведения С.-Ц.: «**Лесная топь**» (1905), «**Небо**» (1908), «**Печаль полей**» (1909), «**Движения**» (1909–10), «**Пристав Дерябин**» (1910), «**Медвежонок**» (1911), «**Недра**» (1912) — свидетельствовали о появлении в русской лит.-ре оригинального художника, гуманиста, блестяще владеющего неповторимой манерой письма. С.-Ц. выступает продолжателем традиций русской классики, начало которых, как он считает, было заложено в «Слове о полку Игореве». В произведениях С.-Ц. звучат протест против унижения человека, боль за трагизм людских судеб. У С.-Ц. нередки картины дикости, невежества, произвола властей. Сатирически обрисованному приставу Деряби-